

Научная статья
УДК 94(470)
doi: 10.17223/2312461X/49/3

Практики охраны историко-культурного наследия в национальных округах в позднесоветский период: по материалам Коми-Пермяцкого отделения ВООПИК

Петр Андреевич Неплюев^{1, 2}

¹ Пермский государственный национальный исследовательский университет,
Пермь, Россия

² Пермский краеведческий музей, Пермь, Россия
^{1, 2} peter.neplyueff@yandex.ru

Аннотация. Предпринимается попытка рассмотреть практики охраны историко-культурного наследия на примере Коми-Пермяцкого округа в позднесоветский период (1960–1980-е гг.). Коми-Пермяцкий округ представляет интерес для исследования, так как, с одной стороны, в позднесоветский период являлся национальным округом, а с другой – был встроен в систему управления Пермской области, подчиняясь региональным властям. Основным источником для исследования выступает деятельность созданного в 1965–1966 гг. Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры, отделение которого функционировало на территории округа с конца 1965 г. по 1980-е гг. Оно сосредоточило вокруг себя основных активистов в области охраны памятников и выступало как ключевой элемент системы сохранения наследия в округе, давая своим участникам определенную субъектность. В рамках деятельности окружного отделения прослеживается не только общесоветский канон сохранения наследия (консолидация памяти о Гражданской и Великой Отечественной войнах), но и локальные сюжеты Коми-Пермяцкого округа. Эти два направления взаимодействуют между собой и формируют своеобразный канон охраны наследия на территории округа, что также является объектом исследования. Кроме вышеперечисленного, на примере коми-пермяцкого окружного отделения рассматривается деятельность низовых отделений ВООПИК, их практики, взаимодействие с властью и вышестоящими отделениями.

Ключевые слова: Коми-Пермяцкий округ, ВООПИК, охрана историко-культурного наследия, «полезное прошлое», советские массовые добровольные общества, низовой историко-культурный активизм

Для цитирования: Неплюев П.А. Практики охраны историко-культурного наследия в национальных округах в позднесоветский период: по материалам Коми-Пермяцкого отделения ВООПИК // Сибирские исторические исследования. 2025. № 3. С. 55–76. doi: 10.17223/2312461X/49/3

Original article

doi: 10.17223/2312461X/49/3

Practices of Protecting Historical and Cultural Heritage in National Districts in the Late Soviet Period: Based on Materials from the Komi-Permyak Branch of VOOPIK

Petr A. Nepliuev^{1, 2}

¹ Perm State National Research University, Perm, Russian Federation

² Perm Museum of Local Lore, Perm, Russian Federation

^{1, 2} peter.nepliueff@yandex.ru

Abstract. This article attempts to examine heritage preservation practices using the Komi-Permyak Okrug as a case study during the late Soviet period (1960s–1980s). The Komi-Permyak Okrug is of particular interest for research because, on the one hand, it was a national district during the late Soviet era, while on the other, it was integrated into the administrative system of the Perm Region and subordinate to regional authorities. The primary source for this study is the activity of the All-Russian Society for the Protection of Historical and Cultural Monuments (VOOPIK), which was established in 1965–1966. A local branch of VOOPIK operated in the district from the end of 1965 through the 1980-s. This branch brought together key activists in the field of monument preservation and functioned as one of the central components of the heritage protection system in the region, granting its members a certain degree of agency. Within the activities of the district branch, one can observe not only the all-Soviet canon of heritage preservation (the consolidation of memory of the Civil War and the Great Patriotic War), but also local narratives specific to the Komi-Permyak district. These two directions interact with each other and shape a distinctive canon of heritage protection within the district, which is also a subject of study. In addition to the above, the article examines, using the example of the Komi-Permyak district branch, the activities of grassroots branches of VOOPIK, their practices, and their interactions with authorities and higher-level branches. In addition, the article examines the activities of grassroots VOOPIK branches through the example of the Komi-Permyak district branch, their practices, and their interactions with the authorities and higher-level branches.

Keywords: Komi-Permyak Okrug, VOOPIK, protection of historical and cultural heritage, “usable past”, Soviet mass voluntary societies, grassroots cultural and historical activism

For citation: Nepliuev, P.A. (2025) Practices of Protecting Historical and Cultural Heritage in National Districts in the Late Soviet Period: Based on Materials from the Komi-Permyak Branch of VOOPIK lia. *Sibirskie Istoricheskie Issledovaniia – Siberian Historical Research*. 3. pp. 55–76 (In Russian). doi: 10.17223/2312461X/49/3

Вступление

Использование прошлого в Советской России начинается практически сразу же после установления власти большевиков. Несмотря на то, что в официальном идеологическом поле СССР в 1920-е гг. был постав-

лен курс на отказ от прошлого и стремление к будущему, дореволюционное и советское историко-культурное наследие регулярно использовалось региональными краеведческими обществами и организациями, а также и самим государством. Во многих случаях корни краеведческих объединений уходили в дореволюционную эпоху, в движения второй половины XIX – начала XX в. Внутри таких обществ уже с 1920-х гг. со средотачивались историко-культурные активисты: граждане, добровольно участвующие в сохранении историко-культурного наследия. Занимаясь изучением местной истории, активисты зачастую не только поддерживали общесоюзный исторический нарратив, но и способствовали формированию особых региональных канонов, для которых «местное» могло иметь приоритет над «общегосударственным». Важной частью использования прошлого выступали практики охраны историко-культурного наследия, которые позволяли создавать преемственность исторической памяти, вовлекать непрофессионалов в изучение и трансляцию исторических сюжетов, создавать локальную идентичность регионов.

В рамках данной статьи внимание будет уделено практикам охраны историко-культурного наследия на территории Коми-Пермяцкого округа в позднесоветский период (1960–1980-е гг.), а также формированию регионального канона охраны наследия. Именно в этот период все-союзная государственная поддержка сферы охраны памятников, в том числе на региональном уровне, приводила к укреплению локальных идентичностей. Коми-Пермяцкий округ в позднесоветский период представляет интерес для исследования, так как, с одной стороны, он являлся примером национального административного формирования на территории РСФСР, а с другой – в отличие от национальных республик (АССР) был частью Пермской области, включался в ее структуру.

Система охраны наследия на территории округа опиралась как на общесоветский нарратив по охране памятников Гражданской и Великой Отечественной войн, так и на локальные интересы активистов по сохранению регионального наследия. Изучению взаимодействия этих направлений по охране наследия в округе и посвящено исследование.

Практики охраны памятников на территории округа во многом сложились при участии местного отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры (далее ВООПИК или Общество), основанного в 1965–1966 гг. Общество с Центральным советом в Москве, с одной стороны, задавало единые для РСФСР каноны и векторы движения в области охраны общесоветского наследия, с другой же – способствовало объединению региональных активистов вокруг темы локальной истории и культуры. Кроме того, особый интерес представляет взаимодействие коми-пермяцкого окружного и пермского областного отделений. Так как Коми-Пермяцкий округ был частью Пермской

области, то коми-пермяцкое областное отделение ВООПИК подчинялось пермскому областному отделению. При этом активисты округа были заинтересованы в диверсификации региональной сферы охраны памятников через сохранение коми-пермяцкой культуры, народных промыслов и другие сюжеты.

Основным источником для исследования выступают материалы о деятельности ВООПИК из окружного архива Коми-Пермяцкого округа (КПОГА), пермских краевых архивов (ПермГАСПИ и ГАПК), а также Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ).

Поворот к истории в СССР: поиски «полезного прошлого» и охрана наследия

В 1920-е гг. в СССР наступает короткий период расцвета локальной истории. Краеведческие организации, объединенные под эгидой Центрального бюро краеведения (ЦБК, 1922–1937 гг.), ставили своей задачей культурную трансформацию, сохранение и изучение историко-культурного наследия, укрепление национального сознания на периферии Советского государства. Таким образом, укрепляя региональные и национальные нарративы, краеведческие сообщества становились частью социалистического строительства.

Уже на рубеже 1920–1930-х гг. деятельность локальных краеведческих объединений и ЦБК в целом вызывает подозрение со стороны центральных властей, что приводит к постепенному ограничению их деятельности. Многие региональные организации постепенно закрываются. В 1930-е гг. ЦБК превращается в полностью зависимую от государства организацию, его кадровый потенциал был утрачен. В 1937 г. Центральное бюро краеведения было распущено, как дублирующее многие другие общественные организации (Козлов 2013: 80).

Параллельно с маргинализацией краеведческой деятельности в 1930-е гг. на волне популяризации идеи «строительства социализма в отдельно взятой стране» в СССР усиливается централизация власти и начинается «возврат к традиционным культурным и историческим ценностям» (Тихонов 2016: 32–33). Характерным признаком этого поворота становится использование сюжетов и образов дореволюционного прошлого для государственного строительства, формирование нового пантеона героев, в который вместо безликих революционных сил стали входить передовики производства, революционеры, а также правители и полководцы, внесшие свой вклад в укрепление Российского государства. Эти процессы не означали полную ликвидацию краеведческой деятельности, но сильно ограничили ее возможности и публичность на ближайшие годы.

Ограниченный возврат к формированию региональных канонов и поворот к сохранению памятников историко-культурного наследия произойдет уже в годы Великой Отечественной войны. Так, в 1944 г. при облисполкомах РСФСР создаются специальные архитектурные отделы, чьей главной задачей становится учет и охрана исторических и культурных памятников, в первую очередь архитектуры. Возникает подобный отдел и в Молотовской (Пермской) области (ГАПК Р-1619).

В послевоенные годы начинается возрождение и возвращение в публичную плоскость тематики региональных исторических сюжетов и образов. Одним из первых случаев использования таких сюжетов в публичном пространстве стало возрождение традиции городских юбилеев. Первым широко празднуемым городским юбилеем было 800-летие Москвы, отмечавшееся в 1947 г., однако после него в СССР создается «прецедент, которому в дальнейшем активно следовали и другие города» (Янковская 2023: 13).

Вслед за московским торжеством в поздне сталинскую и позднесоветскую эпоху традиция отмечать юбилеи прочно закрепляется в советском публичном пространстве. Для региональных властей такие празднования зачастую выступали как способ политической мобилизации, обеспечивающий доступ к дополнительным ресурсам, финансированию, укреплению локальной идентичности города, области, края, республики (АССР), а также более мелких административно-территориальных образований (13). Для историко-культурных активистов юбилеи также становились особой «точкой сборки» – периодом активизации усилий, привлечения новых сторонников сохранения историко-культурного наследия, опубликования региональных сюжетов.

Особую роль в складывании региональных канонов играло и изменение во второй половине 1950–1960-е гг. режима публичности, который определял правила и границы публичных высказываний, а также реакции на них. По классификации авторов сборника «Несовершенная публичная сфера» (Несовершенная публичная сфера 2021: 51–69) существует четыре режима публичности, применимых к отечественному (в том числе и советскому) опыту. Для указанного периода характерен режим «бурных дискуссий» (расширение поля обсуждения общественно важных вопросов и вовлечение в него новых акторов), который в 1960-е гг. переходит в режим «публичной немоты» (снижение значимости публичных дискуссий с сохранением анклавов свободы высказываний). В 1960-е гг. в советском публичном пространстве сфера охраны историко-культурного наследия становится одним из «анклавов свободы высказываний». Внутри этого «анклава» активно развиваются такие феномены, как «письма во власть», а также публичная критика текущего положения охраны памятников через СМИ, лекционную деятельность. В дискуссию на страницах советских газет и журналов включаются как

историки, археологи, искусствоведы, так и общественные активисты, краеведы, не имеющие официального исторического или искусствоведческого образования.

На местном уровне силами активистов начинается поиск локальной идентичности, которая позволила бы выделить регион на фоне соседей и/или других советских регионов. Для Молотовской, а затем Пермской (с 1957 г.) области основными сюжетами становится архитектура Русского Севера, пермский звериный стиль, а также ряд народных промыслов. При этом локальные историко-культурные активисты преследовали не только цель сохранения историко-культурного наследия, но и его популяризацию, а также ориентировались на решение практических задач, связанных с привлечением в регион туристов. Как отмечает В.В. Абашев, само появление темы пермского звериного стиля в публичном пространстве Пермской области в 1960-е гг. стало ответом на проблему «плачевного положения местной художественной промышленности» и общего отсутствия сувенирной продукции в Перми, который предложил местный журналист-пенсионер Б.Н. Назаровский (Абашев 2023: 98).

Отдельное внимание в первой половине 1960-х гг. уделялось новым формам сохранения наследия, таким, например, как музеи-заповедники под открытым небом. Первые музеи такого типа на территории СССР стали появляться еще до 1960-х гг., например музей «Кижи» или Соловецкий музей-заповедник. Однако именно в 1960-е гг. эта идея широко распространилась по всему Советскому государству как радикальный способ сохранения памятников архитектуры и этнографии, в первую очередь деревянной. Одним из основных публичных сторонников этой идеи выступал известный архитектор и исследователь русского деревянного зодчества И.В. Маковецкий (Маковецкий 1963).

Самой широкой публичности тема охраны историко-культурного наследия достигает во второй половине 1960-х гг. после создания Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры. Создание новой массовой добровольной организации стало решением сразу нескольких проблем, с которыми сталкиваются в послевоенные годы государственные власти.

Во-первых, это масштабный запрос со стороны населения и активистов на сохранение наследия и регулярная критика сферы охраны памятников в публичном пространстве. Не имея человеческих и финансовых ресурсов для обеспечения полноценной охраны наследия, государство передает часть полномочий в руки историко-культурных активистов. Члены ВООПИК должны были заниматься выявлением нуждающихся в реставрации памятников, сбором необходимых для реставрации средств, рекрутингом активистов, популяризацией исторических сюжетов в публичном пространстве через СМИ, чтением публичных лекций, организацией туристических походов по историческим местам, поисковой деятельностью и т.д.

Во-вторых, ВООПИК было призвано решать важную воспитательную задачу, связанную с сохранением исторической памяти среди молодого поколения, не заставшего Гражданскую и Великую Отечественную войны. К началу 1960-х гг. намечался разрыв между советскими «бэби-бумерами» (родившимися в послевоенные годы) и старшими поколениями (Мельникова 2018: 21). По мнению властей, именно молодая и самая физически активная часть советского общества – школьники и студенты – должна была взять на себя основную работу по сохранению историко-культурного наследия. Одновременно должна была решиться и проблема преемственности исторической памяти.

Пройдя период своего оформления в конце 1960-х – начале 1970-х гг., на рубеже 1970–1980-х гг. общество достигает апогея своей охранной деятельности. В этот период в ВООПИК состояло более 15 млн членов (ГАРФ. Ф. А-639. Оп. 1. Д. 705. Л. 18), а выделяемые обществом на нужды реставрации памятников средства достигали 10 млн руб. (ГАРФ. Ф. А-639. Оп. 1. Д. 657. Л. 45). Основным инструментом развертывания деятельности ВООПИК стали местные отделения, созданные в каждом регионе РСФСР. Именно они осуществляли координацию деятельности нижестоящих районных и городских отделений, держали связь с Центральным советом ВООПИК в Москве, который задавал основные векторы движения.

С одной стороны, деятельность региональных отделений регулировалась и контролировалась местными органами власти (управлениями культуры при местных облисполкомах, крайисполкомах), а членами региональных отделений были местные чиновники разных уровней. С другой – в состав региональных отделений с самого начала их существования вошли местные историко-культурные активисты, которые занимались опубликованием проблем сохранения историко-культурного наследия еще до создания ВООПИК.

Ярким примером подобной деятельности по охране и популяризации историко-культурного наследия служит уже упоминавшийся Б.Н. Назаровский, начавший свою публичную краеведческую деятельность еще в первой половине 1960-х гг. через газетные статьи, выступления, лекции, письма во власть. Кроме того, среди будущих членов Пермского ВООПИК подобную деятельность по развитию локальной идентичности вели археолог В.А. Оборин, директор Пермского краеведческого музея Л.Г. Дворсон, архитектор А.С. Терехин и др. Так, объединенные вокруг Общества, они получили «поддержку дружеского плеча» со стороны других активистов, а также финансовые ресурсы для продвижения локальных интересов. И хотя на момент создания главными целями Общества было сохранение памяти о Гражданской и Великой Отечественной войнах, немалая часть его деятельности была посвящена продвижению локальных сюжетов.

В Пермской области результатом работы местных активистов стало создание музея деревянного зодчества в деревне Хохловка, экспериментального ювелирно-гравийного завода по производству сувенирной продукции на основе местных традиционных промыслов. Члены ВООПИК также участвовали в создании пермского городского герба в 1969 г. и проведении 250-летнего юбилея Перми в 1973 г.

Таким образом, вторая половина 1960-х – начало 1970-х гг. в СССР стали периодом особой активизации поиска «полезного прошлого» как на общегосударственном, так и локальном уровне. Важную роль в использовании прошлого играл вопрос сохранения наследия, для чего привлекались и активисты на самых разных уровнях. Они, в свою очередь, следуя основным задачам Общества по сохранению памяти о Гражданской и Великой Отечественной войнах, участвовали в поисках локальной идентичности и создавали свой особый региональный историко-культурный канон. С переменным успехом в создании региональных канонов и формировании практик охраны наследия участвовали и национальные округа, к которым относился Коми-Пермяцкий округ, в позднесоветский период входивший в состав Пермской области.

«Сохранить все старое, что имеется в народе»: Коми-Пермяцкий округ и практики охраны историко-культурного наследия

Коми-Пермяцкий округ – один из первых национальных округов, созданных в молодом Советском государстве. Он был образован 26 февраля 1925 г. в составе Уральской области РСФСР. Как отмечают А.В. Черных и М.С. Каменских, Коми-Пермяцкий округ был во многом показательным и уникальным опытом советского нациестроительства.

Во-первых, его появление закрепило в конце 1920-х гг. новый этнический термин «коми-пермяки», определяющий идентичность его жителей, которые ранее называли себя «пермяками». Другие представители пермяцкой народности, обитавшие на территории Уральской области и за ее пределами, не включенные в состав Коми-Пермяцкого округа, определяли себя как коми (коми-зыряне), а не коми-пермяки. Во-вторых, создание нового округа в Уральской области стало «пилотным» проектом по учреждению новых административно-территориальных единиц в РСФСР. Населявшие национальные округа народы уступали по численности титульным народам, для которых в РСФСР создавались автономные республики (АССР), но при этом сохраняли определенную национальную идентичность и на заре Советского государства получили свои собственные округа. В-третьих, само создание Коми-Пермяцкого округа находилось не только в плоскости решения национального вопроса, но и во многом зависело от экономической целесообразности. Коми-пермяки этнически были близки к коми-зырянам, населявшим соседнюю

республику Коми, однако экономически территория округа была близка к территории бывшей Пермской губернии и при создании была включена в Уральскую область (а затем и в Пермскую/Молотовскую область) (Черных, Каменских 2022: 61–64). Как отмечают исследователи, само создание Коми-Пермяцкого округа ставило своей целью «не обеспечить права национальных меньшинств, а обеспечить лояльность населения разных национальностей в рамках советской государственности» (64). Таким образом, национальные округа занимали промежуточное положение: с одной стороны, у них были свои национальные интересы, с другой же – вследствие экономической необходимости входили в состав более крупных административных единиц, подчиняясь их руководству.

В 1930-е гг. начинается сворачивание активности национальных меньшинств, их присутствия в публичном пространстве. Со второй половины десятилетия «национальная политика и органы власти, ее реализовавшие, получают все меньше возможностей для принятия решений» (Каменских 2019: 156). К концу 1930-х гг. национальная политика по отношению к Коми-Пермяцкому округу окончательно формируется и практически не изменяется до самого распада Советского государства. Национальный округ хотя и имел свои местные органы власти, но был полностью подчинен областным. На территории подобных национальных округов по отношению к историко-культурному наследию и его сохранению складывается два основных нарратива: господствующий, общеюзный, а также локальный. Локальный нарратив зачастую подчинялся общегосударственному, однако и внутри него остаются некоторые «анклавы свободы высказываний». Речь о конкретных примерах пересечения этих нарративов пойдет ниже.

Как и в случае с другими регионами РСФСР, период институциональной активизации коми-пермяцких историко-культурных активистов наступает в середине 1960-х гг., после создания Всероссийского общества охраны памятников. Общество консолидирует местных активистов и дает им возможность публично заниматься охраной наследия.

Учредительная конференция местного отделения охраны памятников (под названием «Общество “Охраны памятников старины”») состоялась 22 декабря 1965 г. На конференции обозначались основные направления деятельности будущего отделения (КПОГА. Д. 1. Л. 1–2). В соответствии с директивами центральных государственных властей, на которые опиралось ВООПИК после создания, главным приоритетом работы местного отделения называлось сохранение памяти и охрана памятников Гражданской и Великой Отечественной войн. Отметим, что окружные историко-культурные активисты были заинтересованы в диверсификации сферы охраны наследия через сохранение локальной истории и культуры, в том числе дореволюционной. Таким образом, уже на первых

заседаниях окружного отделения ВООПИК формировалось два нарратива охраны наследия: общесоюзный и локальный.

При этом не стоит говорить о противопоставлении двух этих нарративов, так как сохранение исторической памяти о Гражданской и Великой Отечественной войнах тесно переплеталось с локальными интересами. Так, отметим, что на всей территории Пермской области региональное, а также местные отделения ВООПИК уделяли Гражданской войне особое внимание. Связано это было в первую очередь с тем, что годы Гражданской войны ознаменовались сражениями во многих районах Пермской области. Здесь сохранилось множество памятников и захоронений, жили участники боевых действий. Значимой датой для поисковых отрядов и историко-культурных объединений оставалось 15 июля – официальная дата освобождения Урала от сил адмирала Колчака (ПермГАСПИ 1458). Таким образом, для активистов Коми-Пермяцкого округа сохранение памятников и свидетельств участников Гражданской войны было важной частью охраны наследия региона.

В годы Великой Отечественной войны Пермская область находилась в глубоком тылу, но на территории области располагались многочисленные госпитали и оборонные предприятия; более 500 тысяч жителей области воевали на фронтах. Это также обусловливало актуальность Великой Отечественной войны и делало ее фокусом для сохранения памяти.

Основными видами деятельности местного отделения по сохранению наследия Гражданской и Великой Отечественной войн стоит назвать походы и автоагитпробеги (КПОГА. Ф. Р-159. Оп. 1. Д. 1. Л. 19–20), а также поисковую деятельность (совместно со Всесоюзным походом по местам революционной, боевой и трудовой славы, учрежденным, как и ВООПИК, в 1965–1966 гг.). Представители поискового движения активно записывали воспоминания ветеранов, занимались поиском информации о госпиталях и известных участниках войны. Одной из наиболее успешных ячеек поискового движения стала первичная организация ВООПИК Кудымкарской школы № 1, собиравшая материалы о жизни Героя Советского Союза Н.И. Кузнецова, который в 1930-е гг. работал в г. Кудымкар. Члены организации инициировали переписку с другими подобными отрядами по всему СССР, а также участвовали в слетах Кузнецковских дружин в г. Херсон (КПОГА. Д. 6. Л. 34; Д. 14. Л. 3; Д. 14. Л. 75). В некоторых случаях учащиеся Кудымкарской школы отправлялись по «кузнецовым местам» в частном порядке, «дикарями» (КПОГА. Д. 14. Л. 75).

Вместе с тем «полезное прошлое» в глазах локальных активистов не ограничивалось темой Гражданской и Великой Отечественных войн. Окружное отделение ВООПИК, как и центральные отделения Общества, быстро обнаруживает интерес к другим направлениям охраны насле-

дия – народной культуре, дореволюционной истории и пр. Уже на первых встречах ВООПИК появляются сюжеты, имеющие отношение к местной историко-культурной повестке. В этом отношении дискуссии на заседаниях местного отделения Общества были похожи на многие, которые проходили в других регионах РСФСР, где в первые годы после учреждения ВООПИК новое общество воспринималось как полноценный субъект в системе охраны памятников. По мнению активистов, Общество охраны памятников обладало (или должно было обладать) полномочиями принимать самостоятельные решения и отменять постановления советских органов, вредящих делу охраны памятников.

Среди главных тем, поднимавшихся еще на учредительной конференции ВООПИК в декабре 1965 г., ставился вопрос о начале производства особых коми-пермяцких сувениров на основе традиционных промыслов жителей округа (КПОГА. Д. 1. Л. 1–2). Обсуждение создания подобной мастерской было частью более широкой дискуссии локальных активистов о сборе предметов прикладного искусства коми-пермяков и сохранении национальных ремесел (КПОГА. Д 1. Л. 32). Местное отделение, не имея необходимых ресурсов для создания мастерской, а также желая продавать сувениры не только в Кудымкаре, но и в Перми, просило о помощи областное отделение Общества, куда и был передан запрос.

В 1967–1968 гг. предложение о строительстве камнерезной мастерской для работы с мрамором под эгидой ВООПИК в Коми-Пермяцком округе было отвергнуто. Можно предположить, что Центральный совет ВООПИК посчитал организацию постоянной мастерской в Коми-Пермяцком округе или других районах Пермской области (например, в г. Соликамске) экономически нецелесообразной из-за их удаленности от регионального центра. Временное же производство, пока не будет найдена площадка в Перми, по замечанию Б.Н. Назаровского, позднее невозможно будет перевести в столицу области (ПермГАСПИ 3688). В 1969 г. в Перми была найдена подходящая территория для строительства мастерской и открыт экспериментальный ювелирно-гравийный завод, который просуществовал до 2004 г. Он взял на себя задачу по созданию уникальной для Пермской области сувенирной продукции, в дизайне которой использовались мотивы и образы народных промыслов, в том числе и элементы пермского звериного стиля.

Особого внимания, по мнению коми-пермяцких активистов, заслуживал вопрос о создании на территории округа музея под открытым небом, что было частью общесоюзного тренда в 1960–1970-е гг. Немалую роль в его популяризации сыграли и члены ВООПИК. Так, на рубеже 1960–1970-х гг. эта мера рассматривалась как ключевой инструмент для сохранения памятников архитектуры и с энтузиазмом поддерживалась членами Общества (ОГАЧО П4).

Окружной музей под открытым небом должен был сохранять коми-пермяцкую деревянную архитектуру и «древне-пермяцкую скульптуру» (КПОГА. Д. 1. Л. 1–2, 8–27). Предположим, что хоть основной задачей такого музея должно было стать сохранение деревянного зодчества округа, часть экспозиций заняли бы народные промыслы и этнографические коллекции. Впрочем, как и в случае с мастерской по производству сувениров, планы создания музея под открытым небом в округе не были реализованы. Основной причиной стала удаленность территории, затруднившая доступ ко многим памятникам и, соответственно, препятствовавшая реставрационной деятельности. Изъятие памятников из их естественной среды и перевозка на территорию новых музеев в первую очередь председовали цель обеспечения доступности для реставраторов, чего добиться в отдаленном Коми-Пермяцком округе было непросто.

Уже в 1968 г. для музея под открытым небом в Пермской области была выбрана площадка в сорока километрах от Перми, рядом с деревней Хохловка. Вероятно, это решение тогда же стало известно и членам коми-пермяцкого отделения, так как с 1968 г. обсуждение своего музея под открытым небом фактически прекращается. А уже весной следующего, 1969 г. пермский областной исполнительный комитет отдает распоряжение о создании музея и присоединении его в качестве филиала к Пермскому краеведческому музею. Открытие музея состоялось осенью 1980 г.

Так как многие памятники деревянной архитектуры в Пермской области находились на территории округа, в Хохловском музее был создан отдельный сектор коми-пермяцкой народной архитектуры и быта. С 1971 г. члены архитектурной секции областного отделения ВООПИК (Кукин Н.Н., Будрина А.Г., Власов И.Ф., Пленина В.С., Игошин Г.М.) занимаются организацией северных экспедиций в Коми-Пермяцкий округ по поиску экспонатов и памятников для музея под открытым небом (КПОГА. Д. 9. Л. 37). В 1970-е гг. в подобных экскурсиях принимали участие историки, археологи, сотрудники Пермского краеведческого музея (Заякина 1978, 1980).

Само окружное отделение в 1975 г. озвучивает следующую позицию: «На территории нашего округа имеются и памятники архитектуры в Пожве, Косе, Юрле, Куве и Кудымкаре. Сохранились еще старинные избы с архитектурными украшениями, курные избы, охотничьи чемьи, амбары – все это памятники архитектуры прошлого. При этом надо сказать, что эти памятники находятся в полуразрушенном состоянии, их на местах не представляется возможным сохранить, поэтому нам следует принять активное участие в создании музея-заповедника деревянной архитектуры Прикамья в Хохловке, в котором будет перевезено и собрано несколько построек Коми-пермяцкого национального округа» (КПОГА. Д. 24. Л. 19). Таким образом, к середине 1970-х гг. окружное отделение

ВООПИК практически полностью отказывается от своих планов по созданию местного музея под открытым небом, посвящая все свои усилия в этом направлении организации Коми-Пермяцкого сектора в музее в Хохловке. При этом планы по созданию такого музея не были оставлены окончательно. В конце 1970-х гг., когда открытие музея в Хохловке становится лишь вопросом времени, под влиянием сообщений о реставрации Троицкого городища в г. Чердынь Пермской области, вопрос о создании собственного музея под открытым небом возникает вновь (КПОГА. Д. 27). Однако, как и раньше, за пределы обсуждений на заседаниях окружного отделения в 1978 г. этот вопрос не выходил.

Особое внимание со стороны местных активистов ВООПИК уделялось сохранению дореволюционного наследия, в первую очередь церквей и монастырей. Уже на первых заседаниях местного отделения поднимался вопрос об особом режиме охраны Никольского собора в г. Кудымкаре, в котором в советский период, с 1943 по 1990 гг., размещался окружной краеведческий музей. Позиция активистов аргументировалась следующим образом: «В этом оригинальном по своему решению сооружении, вместе с некоторыми элементами классицизма ярко выражена простота, какая-то строгость мыслей и форм, что придают зданию массивность и суровость, которые на наш взгляд убедительно отражают глухой и забытый лесной Коми-Пермяцкий край XVIII века» (КПОГА. Д. 1. Л. 18). Из указанной цитаты видно, что вектор защиты дореволюционного наследия представлял для локальных активистов не меньшую важность, давая им свою собственную идентичность в рамках Пермской области, пусть даже в виде «глухого» и «забытого» края в период XVIII в.

Упоминались и другие церкви, находящиеся в плачевном состоянии: «Многие из этих памятников, особенно деревянных зданий занимают торговые предприятия под склады. Например, бывшие церкви в Юксеево, Купроссе, Коце, Собачке, занимают ОРСы комбината “Комипермлес”, но относятся к ним варварски. Так в Юксеево, в Купроссе, в д. Собачка крыши текут, кирпич разваливается и здание теряет свою ценность. Такое же положение в Пешнигорте (здание занимает детдом) Кудымкарского района, в Гайнцово, Пельме (здания занимают колхозы) Кочевского района. На наши разговоры о бережном отношении к памятникам старины, эти предприятия не обращают внимания. Пора, как нам думается, поставить вопрос перед областными и местными Советскими органами о том, что по охране памятников истории и культуры иметь специальные постановления. И потребовать от “хозяев” наведения порядка и бережного отношения к пользуемым зданиям» (КПОГА. Д. 1. Л. 19–20). Примечательно, что местное отделение, как не обладающее необходимыми материальными ресурсами и политическим влиянием на местные власти, было вынуждено обращаться за помощью в областное отделе-

ние. Подчеркнем, что стремление защитить дореволюционные памятники становится признаком «локального патриотизма» историко-культурных активистов. При этом они не делают различий между памятниками коми-пермяцкой культуры и русскими памятниками. И те и те в их представлении являются «памятниками старины», не имея ярко выраженного национального или религиозного значения.

В подобном ключе видится вопрос и об археологических памятниках на территории округа. В части сохранения локальной идентичности выступали прошения местных активистов обеспечить охрану археологическим памятникам (селищам, могильникам, жертвенным местам и пр.) округа, тесно связанным с историей его коренных жителей (КПОГА. Д. 1. Л. 19–20), населявших Пермскую область задолго до русской колонизации Урала. Так, в начале 1970-х гг. секретарь Коми-Пермяцкого окружного отделения уведомлял Кудымкарский городской совет депутатов о постановке археологического памятника «Кудымкарское городище» на государственный учет и просил обеспечить сохранность памятника с помощью необходимых знаков и охранных досок (КПОГА. Д. 2. Л. 119). Предположим, что стремление сохранить археологические памятники местного населения до русской колонизации XIV–XV вв. все же не было проявлением национального нарратива. Скорее всего, для локальных активистов было важно, что археологические памятники, как и в случае с дореволюционными церквями, являются «памятниками старины», частью истории региона, которую необходимо изучать и защищать. С одной стороны, такие «памятники старины» способствовали формированию локальной идентичности региона, с другой – выступали частью социалистического строительства Советского государства во всем его многообразии, где каждый отдельный регион участвует в создании единого целого.

Несмотря на то, что в 1960–1980-е гг. ВООПИК и его региональные отделения во многом задавали направление развития в сфере охраны историко-культурного наследия, Общество оставалось массовой добровольной общественной организацией, которая могла лишь инициировать проекты и осуществлять общественный контроль за их реализацией. Его решения и постановления не были обязательными для исполнения государственными властями, что сильно ограничивало эффективность всей деятельности ВООПИК. Постепенно отсутствие реальных полномочий у активистов, состоящих в Обществе, повлияло и на образ самой организации.

По прохождении первых организационных лет работы Общества, к концу 1960-х гг., инициативы активистов Коми-Пермяцкого отделения по сохранению коми-пермяцкого наследия отходят на второй план. На первое место выходит рекрутинг новых членов (в первую очередь коллективных, чьи взносы составляли основной доход ВООПИК), сбор

взносов (КПОГА. Д. 1. Л. 57) и охрана уже существующих памятников. Существовала жесткая система подчинения областному совету ВООПИК, который регулярно посыпал инструкторов и специалистов для контроля работы окружного отделения. В протоколах заседания местного отделения за 1973 г. можно встретить выступление представителя областного отделения Н.М. Артамоновой, которая критиковала слабую организационную работу в ряде районных отделений и недостаточные сборы взносов: «Если в округе не способны будут это сделать, то мы в области можем сделать. Лучше вы сами разберитесь на месте. Улучшить контакты с партийными органами» (КПОГА. Д. 14. Л. 76).

Не получалось в полной мере и обеспечить сохранность памятников, особенно тех, которые находились на территории советских предприятий и учреждений. Связано это было в первую очередь с отсутствием реальных полномочий. Члены ВООПИК могли лишь рекомендовать предприятиям заниматься реставрацией памятников или же увлечь его работников и руководство охраной историко-культурного наследия через первичные организации. В крайнем случае Общество могло обратить внимание местных государственных властей на проблемы сохранения памятников, но и эта мера зачастую зависела от заинтересованности представителей местных властей в охране наследия. Все это приводило к ухудшению положения памятников, даже при наличии заинтересованных активистов. Так, в решении исполнкома Коми-пермяцкого округа от 10 июля 1972 г. указывается: «усилить пропаганду вокруг памятников истории советского общества, организовать над ними шефство предприятий, учреждений, колхозов и совхозов, учебных заведений и школ» (КПОГА. Д. 2. Л. 14, 14 об.). Таким образом, очевидно, что практика установления шефства над памятниками на территории учреждения не сумела стать массовой.

Сами члены окружного отделения регулярно критируют создавшееся положение, выражая обеспокоенность репутацией Общества: «Нам надо серьезно подумать над тем, что если мы не будем проявлять необходимой заботы о благоустройстве и охране памятников, то наши члены могут сделать серьезный упрек. Как же так, членские взносы с индивидуальных и коллективных членов собираем, а ремонт и реставрацию памятников и мемориальных досок проводим плохо. В этом деле мы обязаны навести порядок и, чтобы наши члены могли сказать, что членские взносы, которые они вносят, идут на очень важное дело по сохранению памяти наших дедов и отцов» (КПОГА. Д. 14. Л. 105). Судя по всему, окружное отделение сталкивается с более широкой тенденцией 1970-х – начала 1980-х гг., когда Общество становится объектом критики отдельных советских граждан и советских властей за неиспользование полученных финансовых средств, перераспределение их в другие регионы, отсутствие видимой деятельности внутри района, где могли собираться

средства. Апогеем такой критики в публичном пространстве станет статья «Пассы вокруг кассы», опубликованная в конце 1982 г. в газете «Известия». В статье ВООПИК назывался «центром выколачивания народных средств для их присвоения в личных целях» (Костин 1982: 3), что сильно повлияло на публичный имидж Общества в 1980-е гг.

Логистические проблемы и нехватка штатов также ограничивали функционал коми-пермяцкого отделения Общества. В прошении, направленном в 1973 г. в областное отделение, коми-пермяцкие члены ВООПИК просят предоставить ставку для бухгалтера, а также обеспечить доплату в 45 рублей ответственному секретарю Гайнского районного отделения ввиду разбросанности поселений в этом районе и трудностей в перемещении между ними (КПОГА. Д. 14. Л. 84).

Эта проблема не была уникальной для Коми-Пермяцкого округа. Так как изначально Общество создавалось как массовое и добровольное, с минимальным оплачиваемым штатом, то большую часть должностей в нем должны были занимать активисты, участвующие в ВООПИК на общественных началах (ГАРФ 259). Многие отделения (особенно районные) не имели полноценной ставки ответственного секретаря, на которого ложилась основная делопроизводственная работа. Зачастую сами секретари могли не обладать навыками ведения дел, составления смет и пр. Это приводило, например, к нарушениям в сфере учета вносов, ведения отчетности. В некоторой степени отсутствие этих навыков могло компенсироваться помощью профессиональных бухгалтеров, однако, чаще всего, ставка бухгалтера могла быть разделена сразу на несколько отделений, что ограничивало их трудоспособность. Даже набор штатных сотрудников считался проблемой. Зарплата ответственных секретарей на полную ставку зачастую не считалась достаточной (от 110 до 140 рублей, в зависимости от региона) при необходимости регулярных разъездов по населенным пунктам района для сбора взносов. При этом подавляющая часть отделений могла не иметь закрепленного за собой транспорта.

Населенные пункты, входившие в сферу ответственности районного отделения, могли находиться на расстоянии десятков и сотен километров между собой, часто в труднодоступных местах. Это существенно ограничивало возможность секретарей заниматься сбором индивидуальных членских взносов, что, в свою очередь, лишало отделения финансовой стабильности и заставляло их сосредоточиваться преимущественно на коллективных взносах предприятий. По отчетам, направляемым в Центральный совет ВООПИК в Москве, становится видно, что главными проблемными регионами в РСФСР считалась Архангельская, Магаданская области, а также Сибирь и Дальний Восток. К проблемным

относились и некоторые северные уральские территории. Судя по имеющимся данным, к их числу принадлежал и Коми-Пермяцкий округ в Пермской области.

Уже к началу 1970-х гг. Коми-Пермяцкое отделение начинает испытывать проблемы со сбором индивидуальных и коллективных взносов и с организацией работы в отдаленных районах округа. В протоколах заседаний окружного отделения нередко можно было встретить подобные слова: «По членским взносам и активизации работы некоторых отделений все остается по-прежнему, “как говорят, на точке замерзания”» (КПОГА. Д. 14. Л. 53). Предположим, что удаленность и труднодоступность многих населенных пунктов Коми-Пермяцкого округа стали причиной и низкого процента вступивших в Общество. Так, количество вступивших по области оценивалось в 12% от общего населения, в Коми-Пермяцком же округе в середине 1970-х гг. лишь 3% населения состояли в ВООПИК (КПОГА. Д. 426. Л. 67).

Из-за удаленности и отсутствия полноценного ответственного секретаря, с 1973 г. практически перестали работать Гайнское и Косинское отделения (КПОГА. Д. 14. Л. 71). В дальнейшем и окружное, и областное отделения прикладывали усилия по исправлению этой ситуации, однако добиться серьезных успехов вплоть до 1980-х гг. не удалось.

Некоторая активизация работы окружного отделения прослеживается в связи с различными юбилеями: 50-летие Октябрьской революции, 100-летие со дня рождения В.И. Ленина, годовщина окончания Великой Отечественной войны в 1975 г. Отдельно стоит отметить мероприятия к 50-летию со дня основания Коми-Пермяцкого округа в 1975 г. В 1973 г. был объявлен специальный смотр памятников на территории округа (КПОГА. Д. 17. Л. 31). Для многих отделений Общества подобные смотры, проходившие в преддверие крупных юбилеев городов, областей, краев и местных территорий, становились главным поводом для инвентаризации новых памятников. По результатам смотра в 1973 г. в окружном отделении Пермского книжного издательства была опубликована книга «Памятники истории и культуры Коми-Пермяцкого округа» с тиражом в 5 000 экземпляров (КПОГА. Д. 15. Л. 3). Под руководством члена исторической секции окружного отделения Г.К. Конина в виде методички также был издан перспективный план основных мероприятий Общества в округе на 1974–1978 гг. (КПОГА. Д. 15). Главными векторами работы, согласно плану, объявлялись уже упоминавшиеся выше сюжеты: поисковая деятельность и заботы о памятниках Гражданской и Великой Отечественной войн (рекомендации по работе с этими сюжетами занимали большую часть методички), но был сделан и акцент на локальную историю. Членам окружного отделения рекомендовалось изучать дореволюционную архитектуру, в том числе промышленную (плотины, здания доменного цеха, заводскую ограду и пр.), крестьянские

избы, усадьбы, амбары. Отметим, что юбилейные мероприятия давали толчок деятельности местного отделения, но без системной работы и из-за многочисленных логистических и штатных проблем эффект был скоротечным и не способствовал развитию отделения.

С начала 1980-х гг. деятельность окружного отделения постепенно угасает, что, предположительно, было связано с общим кризисом Все-российского общества охраны памятников в 1982–1983 гг. (Неплюев 2023: 81–97). Одним из главных изменений в этот период становится отказ от сбора взносов с коллективных членов ВООПИК (с 1983 г.), которые в некоторых случаях могли составлять до 60% всех доходов Общества. Вместе с тем урезаются премии для штатных работников и сокращаются сами штаты ВООПИК. Эти изменения стали серьезным испытанием для отделений Общества в северных регионах РСФСР, постепенно приводя к их фактической ликвидации. Отметим, что до некоторых районов распоряжение об отказе сбора средств у коллективных членов дошло не сразу, и они продолжали эту работу вплоть до 1984 г. (КПОГА. Д. 52. Л. 11). По отсутствию документов о деятельности окружного отделения после 1984 г. в Коми-Пермяцком окружном государственном архиве можно сделать вывод, что систематическая деятельность окружного отделения ВООПИК прекращается.

Выводы

Несмотря на инициативность коми-пермяцких активистов в первые годы существования ВООПИК, уже с 1970-х гг. окружное отделение превращается в инструмент для сбора взносов для областного отделения и выше на крупные проекты. На местном уровне работа чаще всего ограничивается поисковой деятельностью по теме Гражданской и Великой Отечественной войн на местах, ремонтом/установкой досок, обелисков, памятников, торжественных встреч и походов по местам революционной, боевой и трудовой славы. Крупных историко-культурных проектов на территории округа не возникает. Все основные инициативы, появившиеся в округе, быстро переходят на областной уровень. К их числу относились создание музея под открытым небом, мастерская/ завод по производству сувениров на основе региональных ремесел. Тем не менее в документах окружного отделения в фондах Коми-Пермяцкого окружного государственного архива прослеживаются инициативы, направленные на создание локальной идентичности округа, сохранение коми-пермяцкой культуры, архитектуры и быта. Такие инициативы, оставаясь вектором, продвигаемым центральными отделениями ВООПИК, способствуют постепенной диверсификации региональных канонов охраны историко-культурного наследия.

Список источников

- Абашев В.В. Пермский звериный стиль как культурный проект // Слово. Текст. Контекст. 2023. № 4 (16). С. 94–105.
- Государственный архив Пермского края (ГАПК). Ф. Р-1619. Оп. 1. Д. 106. Л. 8–10. Л.Н. Златогорский. Сообщение об охране памятников архитектуры в Молотовской области.
- Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 259. Оп. 45. Д. 4205. Л. 27. Дело об организации Всероссийского добровольного общества охраны памятников истории и культуры.
- ГАРФ. Ф. А-639. Оп. 1. Д. 657. Л. 45. Приказы №№ 1-90 ЦС ВООПИК за 1981 год; Д. 705. Л. 18. Статотчет ЦС ВООПИК о работе за 1982 год. Ф. 2 и объяснительная записка к нему.
- Заякина Н.П. Коротко об экспедициях // Советская этнография. 1978. № 2. С. 137–138.
- Заякина Н.П. Коротко об экспедициях // Советская этнография. 1980. № 1. С. 170–171.
- Каменских М.С. Национальная политика в Прикамье в 1918–1939 гг.: региональный аспект. СПб.: Маматов, 2019.
- Козлов В.Ф. «Огосударствленное» краеведение. История и уроки (по страницам журнала «Советское краеведение». 1930–1936 гг.) // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкоznание. Культурология. 2013. № 9 (110). С. 53–83.
- Костин В. Пассы вокруг кассы. О серьезных недостатках в хозяйственной и финансовой деятельности Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры // Известия. 1982. № 342 (20323). С. 3.
- Коми-Пермяцкий окружной государственный архив (КПОГА). Ф. Р-159. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–2, 8–27, 32. Протоколы заседаний президиума пленумов и конференций окружного Совета по охране памятников истории и культуры; Д. 2. Л. 14, 14 об., 34–36, 57, 119. Сведения о памятниках истории и культуры по округу; Д. 6. Л. 34. Протоколы президиума окружного и районных отделений общества охраны памятников истории и культуры; Д. 9. Л. 37. План работы окружного общества охраны памятников; Д. 14. Л. 3, 53, 71, 75, 76, 84, 105. Протоколы заседаний президиума, пленумов окружного Совета по охране памятников и районных отделений Советов общества; Д. 15. Планы работы окружного и районных отделений общества; Д. 17. Л. 31. Отчеты районных и первичных организаций города о численности членов общества; Д. 24. Л. 19. Протоколы заседания пленума; Д. 27. Протоколы заседаний пленумов окружного отделения общества охраны памятников истории и культуры; Д. 426. Л. 67. Протоколы заседаний отчетно-выборных конференций райгоротделений; Д. 52. Л. 11. Сводные статистические отчеты окружного общества.
- Маковецкий И.В. Принципы организации музеев под открытым небом и их задачи // Советская этнография. 1963. № 2. С. 7–18.
- Мельникова Е.А. Руками народа: следопытское движение 1960–1980-х гг. в СССР // Антропологический форум. 2018. № 19. С. 19–53.
- Неплюев П.А. Кризис во Всероссийском обществе охраны памятников истории и культуры: изменение правил «игры» и адаптация к новым реалиям в первой половине 1980-х годов // Правила игры на общественных началах. Власть и добровольные общественные организации в СССР 1960–1990-х гг. Пермь, 2023.
- Несовершенная публичная сфера. История режимов публичности в России. Сборник статей / сост. Т. Атнашев, Т. Вайзер, М. Велижев. М.: Новое литературное обозрение, 2021.
- Объединенный государственный архив Челябинской области (ОГАЧО). Ф. П4. Оп. 1. Д. 70. Л. 35–43. Переписка Челябинского ВООПИиК (Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры) с Центральным Советом по вопросам основной деятельности.

- Пермский государственный архив социально-политической истории (ПермГАСПИ). Ф. 1458. Оп. 41. Д. 29. Л. 12–13. Решения оперативной группы обкома ВЛКСМ, постановления бюро областного штаба Всесоюзного похода по местам революционной, боевой и трудовой славы советского народа и материалы к ним.
- ПермГАСПИ. Ф. 3688. Оп. 1. Д. 25. Л. 17. Протоколы заседания и постановления Президиума Совета Пермского областного отделения ВООПИК.
- Тихонов В.В. Идеологические кампании позднего сталинизма и советская историческая наука (середина 1940–1953 г.). М.; СПб.: Нестор-История, 2016.
- Черных А.В., Каменских М.С. Урал в национальной политике 1920–1930-х годов // Материалы Международной научно-практической конференции «Национальная политика и миграционные процессы в Советском Союзе. К столетию создания СССР» (ПермГАСПИ. 30 ноября – 1 декабря 2021 г.). Пермь, 2022.
- Янковская Г.А. Юбилей города и становление «периферийных столиц» в СССР // Известия УрФУ. Серия 2. Гуманитарные науки. 2023. Т. 25, № 4. С. 9–22.

References

- Abashev V.V. (2023) *Permskii zverinyi stil' kak kul'turnyi proekt* [Perm Animal Style as Cultural Project], *Slovo. Tekst. Kontekst*, 16 (4), pp. 94–105.
- GAPK (The State Archive of Perm Krai). *F. R-1619. Op. 1. D. 106. L. 8–10. L.N. Zlatogorskii. Soobshchenie ob okhrane pamyatnikov arkhitektury v Molotovskoi oblasti* [Stock R-1619. Inventory 1. File 106. Pages 8–10. L.N. Zlatogorsky. Report on the Protection of Architectural Monuments in the Molotov Region].
- GARF (The State Archive of the Russian Federation). *F. 259. Op. 45. D. 4205. L. 27. Delo ob organizatsii Vserossiiskogo dobrovol'nogo obshchestva okhrany pamyatnikov istorii i kul'tury* [Fund 259. List 45. File 4205. Page 27. File on the Organization of the All-Russian Voluntary Society for the Preservation of Historical and Cultural Monuments].
- GARF. *F. A-639. Op. 1. D. 657. L. 45. Prikazy №№ 1–90 TsS VOOPIK za 1981 god* [Fund A-639. List 1. File 657. Page 45. Orders Nos. 1–90 of the Central Council of VOOPIK for 1981]; D. 705. L. 18. *Statisticheskiy tsentr TsS VOOPIK o rabeote za 1982 god. F. 2 i obyasnitel'naya zapiska k nemu* [File 705. Page 18. Statistical Report of the Central Council of VOOPIK on the Work for 1982. Form 2 and Explanatory Note].
- Zayakina N.P. (1978) *Korotko ob ekspeditsiyakh* [Brief Notes on Expeditions], *Sovetskaya etnografiya*, 2, pp. 137–138.
- Zayakina N.P. (1980) *Korotko ob ekspeditsiyakh* [Brief Notes on Expeditions], *Sovetskaya etnografiya*, 1, pp. 170–171.
- Kamenskikh M.S. (2019) *Natsional'naya politika v Prikam'e v 1918–1939 gg.: regional'nyi aspekt* [Nationalities Policy in the Prikamye Region, 1918–1939: Regional Aspects]. Saint Petersburg: Mamatov.
- Kozlov V.F. (2013) *"Ogudarstvlennoe" kraevedenie. Istorija i uroki (po stranitsam zhurnala Sovetskoe kraevedenie. 1930–1936 gg.)* ["State-Controlled" Local History. History and Lessons (Through the Pages of the Journal Soviet Local History, 1930–1936)], *Vestnik RGGU. Ser. Literaturovedenie. Yazykoznanie. Kul'turologiya*, 110 (9), pp. 53–83.
- Kostin V. (1982) *Passy vokrug kassy. O ser'eznykh nedostatkakh v khozyaistvennoi i finansovoi deyatel'nosti Vserossiiskogo obshchestva okhrany pamyatnikov istorii i kul'tury* [Maneuvers Around the Budget: On Serious Shortcomings in the Financial and Administrative Work of the All-Russian Society for the Preservation of Historical and Cultural Monuments], *Izvestiya*. 20323 (342). p. 3.
- KPOGA (The Komi-Permyak District State Archive). *F. R-159. Op. 1. D. 1. L. 1–2, 8–27, 32. Protokoly zasedaniii prezidiuma, plenumov i konferentsii okrughnogo Soveta po okhrane pamyatnikov istorii i kul'tury* [Fund R-159. List. 1. File 1. Pages 1–2, 8–27, 32. Minutes of Meetings of the Presidium, Plenums, and Conferences of the District Council for the Preservation of Historical and Cultural Monuments]; D. 2. L. 14, 14ob, 34–36, 57, 119.

- Svedeniya o pamyatnikakh istorii i kul'tury po okrugu* [Fund R-159. List. 1. File 2. Pages 14. 14v, 34–36, 57, 119. Information on Historical and Cultural Monuments in the District]; D. 6. L. 34. *Protokoly prezidiuma okruzhnogo i raionnykh otdelenii obshchestva okhrany pamyatnikov* [Fund R-159. List. 1. File 6. Page 34. Minutes of the Presidium of the District and Regional Departments of the Society]; D. 9. L. 37. *Plan raboty okruzhnogo obshchestva* [Fund R-159. List. 1. File 9. Page 37. Work Plan of the District Society]; D. 14. L. 3, 53, 71, 75, 76, 84, 105. *Protokoly zasedanii prezidiuma, plenumov okruzhnogo Soveta i raionnykh Sovetov obshchestva* [Fund R-159. List. 1. File 14. Pages 3, 53, 71, 75, 76, 84, 105. Minutes of the Presidium and Plenums of the District Council and Regional Branches]; D. 15. *Plany raboty okruzhnogo i raionnykh otdelenii obshchestva* [Fund R-159. List. 1. File 15. Work Plans of the District and Regional Departments]; D. 17. L. 31. *Otchety raionnykh i pervichnykh organizatsii o chislennosti chlenov obshchestva* [Fund R-159. List. 1. File 17. Page 31. Reports of Regional and Primary Organizations on Membership]; D. 24. L. 19. *Protokoly zasedaniya plenuma* [Fund R-159. List. 1. File 24. Page 19. Minutes of the Plenum]; D. 27. *Protokoly plenumov okruzhnogo otdeleniya obshchestva* [Fund R-159. List. 1. File 27. Minutes of the District Branch Plenums]; D. 42b. L. 67. *To zhe: otchetno-vybornye konferentsii raiongorodtelenii* [Fund R-159. List. 1. File 42b. Page 67. Same: Reporting-Election Conferences of District and City Branches]; D. 52. L. 11. *Svodnye statisticheskie otchety okruzhnogo obshchestva* [Fund R-159. List. 1. File 52. Page 11. Consolidated Statistical Reports of the District Society].
- Makovetskii I.V. (1963) *Printsypry organizatsii muzeev pod otkryтыm nebom i ikh zadachi* [Principles of Open-Air Museum Organization and Their Tasks], Sovetskaya etnografiya. 2. pp. 7–18.
- Mel'nikova E.A. (2018) *Rukami naroda: sledopyskoe dvizhenie 1960–1980-kh gg. v SSSR* [By the Hands of the People: The Pathfinder Movement in the USSR in the 1960s–1980s], Antropologicheskii forum. 19. pp. 19–53.
- Nepluyev P.A. (2023) Krizis vo Vserossiiskom obshchestva okhrany pamiatnikov istorii i kul'tury: izmenenie pravil «igry» i adaptatsiya k novym realiyam v pervoi polovine 1980-kh godov [Crisis in the All-Russian Society for Protection of Historical and Cultural Monuments: Changing the Rules of the «Game» and Adapting to new Realities in the First Half of the 1980s]. *Pravila igry na obshchestvennykh nachalakh. Vlast' i dobrovol'nye obshchestvennye organizatsii v SSSR 1960–1990-kh gg.* pp. 81–97.
- Nesovershennaya publichnaya sfera. Istoriya rezhimov publichnosti v Rossii. Sbornik statei [Imperfect public sphere: The history of publicity regimes in Russia]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
- OGACHO (The United State Archive of the Chelyabinsk Region). F. P4. Op. 1. D. 70. L. 35–43. *Perepisika Chelyabinskogo VOOPIK s Tsentral'nym Sovetom po voprosam osnovnoi deyatel'nosti* [Fund P4. List 1. File 70. Pages 35–43. Correspondence of the Chelyabinsk VOOPIK with the Central Council on Core Activities].
- PermGASPI (The Perm State Archive of Socio-Political History). F. 1458. Op. 41. D. 29. L. 12–13. *Resheniya operativnoi gruppy obkoma VLKSM, postanovleniya byuro oblastnogo shtaba Vsesoyuznogo pokhoda po mestam revolyutsionnoi, boevoi i trudovoii slavy sovetskogo naroda i materialy k nim* [Fund 1458. List 41. File 29. Pages 12–13. Decisions of the Komsomol Regional Committee Task Force, Resolutions of the Regional Headquarters of the All-Union March to Places of Revolutionary, Combat, and Labor Glory of the Soviet People, and Related Materials].
- PermGASPI. F. 3688. Op. 1. D. 25. L. 17. *Protokoly zasedaniya i postanovleniya Prezidiuma Soveta Permskogo oblastnogo otdeleniya VOOPIK* [Fund 3688. List 1. File 25. Page 17. Minutes and Resolutions of the Presidium of the Perm Regional Branch of VOOPIK].
- Tikhonov V.V. (2016) *Ideologicheskie kampanii pozdnego stalinizma i sovetskaya istoricheskaya nauka (seredina 1940–1953 g.)* [Ideological Campaigns of Late Stalinism and Soviet Historical Science (Mid-1940s–1953)]. Moscow – Saint Petersburg: Nestor-Istoriya.

- Chernykh A.V., Kamenskikh M.S. (2022) Ural v natsional'noi politike 1920–1930-kh godov [The Urals in Nationalities Policy of the 1920s–1930s], *Materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii “Natsional'naya politika i migratsionnye protsessy v Sovetskem Soyuze. K stolietiyu sozdaniya SSSR”* (PermGASPI. 30 noyabrya – 1 dekabrya 2021 g.). Perm.
- Yankovskaya G.A. (2023) Yubilei goroda i stanovlenie “periferiinikh stolits” v SSSR [City Jubilees and the Formation of "Peripheral Capitals" in the USSR], *Izvestiya UrFU. Seriya 2: Gumanitarnye nauki*, 4 (25), pp. 9–22.

Сведения об авторе:

НЕПЛЮЕВ Петр Андреевич – преподаватель кафедры междисциплинарных исторических исследований, Пермский государственный национальный исследовательский университет (Пермь, Россия); научный сотрудник, Пермский краеведческий музей (Пермь, Россия). E-mail: peter.neplyueff@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Petr A. Nepliuev, Perm State National Research University (Perm, Russian Federation); Perm Museum of Local Lore (Perm, Russian Federation). E-mail: peter.neplyueff@yandex.ru

The author declares no conflict of interests.

*Статья поступила в редакцию 14 июля 2025;
принята к публикации 8 августа 2025.*

*The article was submitted 14.07.2025;
accepted for publication 08.08.2025.*